

Владимир Калинин

A decorative border consisting of vertical stripes. Each stripe is white and contains a repeating pattern of small white circles. The stripes are set against a dark teal background.

**РАЗБУДИ МЕНЯ,
ДРОБЬ
БАРАБАННАЯ**

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Владимир Калинин

**Разбуди меня, дробь
барабанная. Часть первая**

«Издательские решения»

Калинин В.

Разбуди меня, дробь барабанная. Часть первая / В. Калинин —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-906697-8

Жизнь преподносит нам сюрпризы, так случилось и с Николаем Галитиным, сварщиком одного зауральского завода. Банальная история — развод, неудачная попытка создать новую семью, поездка на север за «длинным рублём». На фоне всего этого он видит сны с любовными приключениями и мистикой. То он казачий вахмистр, воюющий с «супостатами» в далёкий-далёкий век. То он советский лейтенант, незаслуженно попавший под репрессии, борется с жестоким режимом в лагере.

ISBN 978-5-44-906697-8

© Калинин В.
© Издательские решения

Содержание

Глава первая. Не родной очаг, а отлучена, даль старинная и дремучая!	6
Глава вторая. Семья, завод и воз забот!	17
Глава третья. И вновь я в той дали глухой...	24
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Разбуди меня, дробь барабанная

Часть первая

Владимир Калинин

© Владимир Калинин, 2018

ISBN 978-5-4490-6697-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава первая. Не родной очаг, а отлучена, даль старинная и дремучая!

Тик-тик-тик-тик, в быстром темпе работают часы над диваном, как будто спешат, а на самом деле идут точно, на батарейках они, это же ни какие ни будь вам ходики. Шуряк мой со своей женой Веркой их нам на юбилей подарили, не слышно почти год идут, надолго батареек хватает. Лежу один в пустой квартире, тишина и поэтому отчётливо слышу этот тик-тик-тик. Жена Тонька уехала к матери на другой конец города и сегодня точно уже не вернётся. Поцапались из-за пустяка, обиделась, хотя сама ссору затеяла. Пацаны мои тоже там, у бабушки, балует она их, кто же от халявы откажется, неделю гостят, каникулы.

А у меня завтра рабочая суббота. Сразу после Новогодних праздников мороз ударил за сорок, а сегодня с утра потеплело, и было тихо и солнечно весь день, и вот завьюжило. Солнце, почти не видимое, в красной дымке, скатилось за девятиэтажки. Смеркается, лень вставать, чтобы включить свет и раздеться, просто лежу. Мысли в голове, почему всё не так? Этот неожиданный не нужный скандал, кстати, давно не первый, в чём моя вина? А часы всё также отчётливо продолжают тик-тик-тик. На заводе в нашем сварочном цехе работает Светка, белокурая бестия, и всё у неё ладится, и план выполняет наравне с нами мужиками, и в руках у неё всё горит, и за себя постоять может, палец ей в рот не клади, как говорится, но кроме личной жизни. Говорят, залетела в восемнадцать, родила, одна воспитывает дочку, ну не сложилось, в общем. И ещё работает у нас Наташа контролёром ОТК, тоже симпатичная, но тихая и скромная. Так вот замечаю я, что обе они ко мне не равнодушны, первая нахрапом стремится брать быка за рога, ну как бы в шутку, в ответ и я шучу, конечно, а вторая только улыбается так ласково и молчит, не смеет говорить на посторонние темы. Будь мне не 30 и не женат, я выбрал бы вторую, но Тоньке, то я, в этом смысле, повода не давал пока, ни разу, ну ни какого... ни какого... в сон клонит,...не давал. Из угла наплывает сладкий туман, тик-тик почти не слышу, всё смолкло, туман заполнил всё пространство, сейчас повторится, как в прошлый раз, туман редееет,...щёлк... слышу голоса, и прорывается такая картина.

Поляна в лесу дремучем, лес смешанный, но в основном хвойный, богатый лес, в общем. – Кешка!?! – Ты почто, шельмец, Катьке юбку дёгтем измазал? – Гы-гы-гы! – А чего она дразница? – Я те спущу портки, то, зараз! – А дома мать за юбку то добавит! – А я не дамся, не изловите! – Цыц, щенок! – Отцу перечить!?! – Тятка, погоду ругаться, – зараз робить будем, – или как? Поляна сто сажён в длину и полста в ширину была наскоро вспахана сохой и засажена картошкой и репой, примерно наполоам. Мужик, здоровенный детина, совсем не старый ещё, но заросший волосами и бородой, выглядел угрюмо. Я его узнал, это был Ерофей-Казак, который в прошлом сне, или не сне может вовсе, спасая семью, саблей отбивался от татар, при свете горящей избы. Этим самым, давая возможность Груне с ребятами, уехать на телеге, как можно дальше в лес.

Ерофей тогда зарубил четверых и пятерых ранил и потом ещё двоих, увязавшихся в погоню, ссадил с коней из седельных пистолей, когда Игренья, уносил его в лес, в темноту. У самой опушки их накрыло ливнем стрел, Ерофей чудом остался жив, стрела вошла ему в левую ладонь, когда он спрыгивал с падающего Игреньки. Коню не повезло, пронзённый четырьмя стрелами, он подышал в агониях. Ерофей быстро собрал оружие, окинул взглядом горящую деревню и скрылся в лесу, он знал, что ночью татары в лес не сунутся, а утром ищи ветра в поле.

Вот так тогда и было, в эти далёкие времена, я не знал ещё, кто царствовал в данный момент, но уверен, что это после Петра Великого, эпоха цариц. Где то там, в центральных губерниях, был порядок, и про татар уже думать забыли, а здесь в Сибири они бесчинствовали

безнаказанно, делали набеги, убивали, жгли, в полон уводили. Молодой хан Котей, с тремя сотнями конных, внезапно, поздним вечером налетел на засыпающую деревушку в 67 дворов и началось. Захлопали редкие выстрелы, зазвенела сталь, заголосили бабы, а зажжённые стрелы втыкались в соломенные крыши построек. У сельчан не было, ни каких шансов, они не готовы были дать отпор, мужчины полегли почти все, а уцелевших вместе с бабами и детьми угнали в степь, предварительно разграбив не сгоревшее добро и вытоптав лошадьми посевы. Ерофея спасло то, что он только вернулся из леса, где строил зимовье, и не успел ещё распрячь Карюху и расседлать Игренью. Да-да Карюхой, как раз, правил я, он, мигом сообразив, крикнул, – быстро всех на подводу, и дуйте на зимовье!

– Здорово Ерофей! Он узнал меня тоже. – Будь здоров Микола! Радостно и удивлённо улыбаясь, он промолвил, – было дело, мы тебя похоронили, однако! И где же ты пропадал то? – И, правда, дядька Микола, встрял в разговор Кешка, – чудно всё это?! Настёна стояла, молча, стесняется, но я видел, что ей тоже интересно. Катька убежала в зимовье переодевать испорченную юбку.

Я стоял и вспоминал прошедшее, ехали мы часа четыре, тропа была извилистая и хитрая с множеством обманок, не зная которых, собьёшься и вряд ли выйдешь на неё снова, предусмотрительный был Ерофей. Кстати, он не единожды предлагал, на сельском сходе, огородить деревню частоколом, и выставлять посменных сторожей на каждые сутки, но над ним посмеялись и не поддержали. Когда мы уже порядочно отмахали, Карюха устала и взмокла, поехали шагом, стало уже совсем темно, мы зажгли факел, дети устали от езды и пережитого и вповалку уснули на телеге. Груня немного успокоилась и рассказывала, как её отец, Вакула Перемога, куренной атаман Тобольской станицы, хотел её семнадцатилетнюю отдать в жёны Московскому купцу, а Ерофей, вестовой атамана, выкрал её, и сбежали они сюда. Ерофей и тогда был лихой казак-удалец, а Груня краса ненаглядная и любили они крепко. Я слушал, молча, и про себя улыбался, какая она, в сущности, девчушка, ей всего тридцать лет, но у неё уже четверо детей и под сердцем носит пятого. На место прибыли далеко за полночь, перенесли в избушку весь скарб, что успели захватить с собой впопыхах. Я пошёл спрятать, убрать с глаз долой плот, служивший нам паромной переправой, Кешка и Митька увязались за мной, дядя Микола мы тебе поможем. Груня сказала, пусть идут коли охота. Мы с Кешкой шестью толкали плот, а Митька стоял рулевым, и вот при повороте в заводь, я поскользнулся и упал в воду, погрузившись с головой, а вынырнул в ванной в своей благоустроенной квартире. Разумеется, я не мог так рассказать, по понятным причинам, ни Ерофею, ни всем остальным, поэтому соврал первое пришедшее на ум. – Так, понимаете ли, и я думал что утонул, а когда очнулся, река унесла меня чёрт знает куда, места вокруг не знакомые, плутал, плутал, и вот только недавно и вышел на твою тропу, Ерофей! – Счастливый ты, Микола! Ерофей почесал затылок и изрёк, – мог никуда не выйти! – Ну да ладно, коли так вышло, Митька, беги до мамки, пусть стол собирает, обедать идём!

Избушка Ерофея, которую мы с ним срубили на холме, на берегу реки, превратилась в полноценный форт. Оказывается здесь месяц прошёл, [пока я по тайге плутал], Ерофей успел за это время прирубить к избушке две коморки и вокруг поставил шестигранную стену под общую крышу. Получился коридор вокруг жилых помещений, в стене по всему периметру бойницы, лихо придумал. Ниже по склону огородил свою крепость частоколом, и когда он отдыхал, столько дел провернул, чертяка. И потом позже когда отобедали ухой, Ерофей послал ребят, под командой Настёны, на прополку сорняков. Груню не пустил на огород, – тебе, голуба моя, и дома работы хватает, а ребятня одни справятся! – Мне, конечно, без работы не когда сидеть, да вот с Миколой погутарить треба! – И то верно, – добродушно, говорила Груня, – рады мы, что ты живой вернулся, привыкли к тебе! – В прошлый раз, как Ерофей тебя из медвежьей ямы достал, водились как с родным, пока хворый был, и потом ты Ерофею, как братом был, всю работу на пару делали! Ерофей, хитро, посмотрел на Груню и, почесав кадык, спросил, –

а не поспела ли там «святая водичка»? – Ой, я забыла совсем, сокрушилась Груня, – и быстро удалившись, вернулась с кринкой, – отведайте вот! Из кринки напахнуло, довольно знакомым и приятным запахом, наверное, брага, догадался я. Наливая хмельной напиток, Ерофей говорил, – а как я рад тебе, запарился тут один, не поспеваю с делами, поможешь, Микола? – О чем речь!? Ты же меня от смерти спас! Мы говорили и говорили, хмельное, развязало языки, и кринка быстро пустела. – А в хозяйстве у тебя прибавление, Ерофей!? – Заметил? Есть такое! Я тогда после налёта, день руку лечил, а потом пошёл на пожарище, пешком напрямик, тропу я знаю, семь вёрст всего то, по тайге, да по валежнику! Всё там сгорело дотла! Я видел, как тяжело ему это осознавать. – А, убиенных наших, кто-то схоронил в общей могиле, видать еще кто то, кроме меня, остался из мужиков!? Даст бог встретимся! Там у могилы пёс сидел Ивана Седого, стало быть, погиб хозяин, взял Буркана с собой, добрый дворняга и сторож хороший. Скотина наша вся на выпасах была, но на месте не нашёл ни единой! Когда шли сюда домой, выскочила на нас с лаем Белка, лайка Егора Шатуна, но узнав своих, повернула назад в прогалину, мы за ней, там корова, Зорька ихняя, спряталась в лесу, спаслась от ворогов. Ну и вернулись домой мы вчетвером. Груня коровке особенно рада, стельная Зорька то, зараз пасётся на верхней полянке, Белка сторожит её, да и конь там ещё. Нашёл его на другой день, идя по татарскому следу, бросили его, потому как, ранен в ногу был сильно, зараз почти зажила, уже не хромает. Он, конечно, не чета Игрене, но конь добрый, зову его Чужак. Потом ещё там был, ходил по лесу вокруг пожарища и вечером услышал петуха, пошёл, сторожко, на голос, и приметил в буреломе на поваленной ёлочке, как на седале, петуха и семь курочек, к ночлегу готовились погорельцы, всех изловил в мешок, дождавшись темноты. Вот только одна у нас беда, хлеб-бушка нет ни зёрнышка! – Ерофей, что из посевов деревенских ничего не осталось? – Смотрел, местами есть понемногу, да дорастёт ли? Хозяев нема тому житу, а охотников на него много, и птицы и звери, не уследишь! А собрать хотелось бы, хоть пригоршню, на развод, зима нынче будет тяжёлая. Картоха и репа, урожай будет не велик, поздно сеяли, сорняк опять же душит, полоть не успеваем, да вот кабаны недавно повадились пакостить, не было времени городить ранее, а зараз край надо. До весны всё одно не хватит, но хоть что-то сохранить! – Не горюй Ерофей, и харч и фураж заготовим на зиму! – Да уж! Теперь точно заготовим. Нынче же ночью пойдём на кабана в засаду! И рыбы здесь в реке много разной! – Да я заметил, в ухе была красная. – Это Митька вчера на закидуху тайменя выволок, на полпуда. Ребетня и стерлядь ловят удами запросто. И осётр здесь водится, вот только руки не дошли. Ой, смотрика уговорили мы криночку то, вот тут нам остаточки поровну. – Спасибочко Ерофей за угощеньице, за хлеб- соль, как говорится, пора и честь знать. Пойдем ка мы с тобой Ерофей прясло городить, до вечера ещё далеко! – Пошли, Микола, зараз инструмент направлю. Через 5 минут, мы, с лопатами и топорами, спускались к полянке, где трудились наши верные помощники. Они прошли уже почти половину поля, Ерофей, напустив в голос строгость, спрашивал, – ну, как тут баталия с чертополохом идёт? Настёна, в сердцах отчитывалась, – Тятя, они меня, совсем, слушать перестали, дурачатся, а дело стоит! Ерофей, довольный, Настёной, – а мы зараз их накажем, не пустим на реку купаться. Кешка, Катька и Митька в голос заоправдывались, – Тятка, а чего она нас без отдыха понужает, пить не взяли и купаться не пускает! Как будто смилостившись, он сказал снисходительно. – Ну ладно, марш купаться, отдохнёте и мамке по хозяйству помогать, но впредь, чтобы старшую слушались! Довольная ребятня побежали на мелкую песчаную заводь. – Дочка хорошо робили, беги тоже отдыхай! Вот такие у меня помощники! Насте было в ту пору 12 лет, Кешка с Катькой погодки, ему 10 ей 9 лет, а Митьке 7, они знали уже всю работу и по дому и по хозяйству, и по мере своих сил помогали родителям. Мы с Ерофеем рубили осинки, готовили жерди и колья и разговаривали между делом. – Хотя какой с них толк, в серьёзном деле, малы ещё, и жалко их, а они из кожи лезут, чтобы приобщиться, где надо и не надо. – Это хорошо, Ерофей, ты их научишь за себя постоять, и военному ремеслу. – А как же, без этого, учу постоянно, сноровка приходит при постоянных упражне-

ниях. Все они, довольно, сносно стреляют, и сабельками любят заниматься! Да вот и они, легки на помине! Кешка с Митькой подходили к нам скорым шагом. – Это что за явление? Я кажись, вам мамке помогать, наказывал!? – Тятя, а мы всё поделали и пришли вам помогать! Работали мы до заката, пацаны рубили и подносили тальник на перевясла, мы забивали колья, укладывали жерди и перевязывали их прутьями на кольях, закончили одну сторону. – Пора отдыхать, сказал Ерофей, и мы пошли на реку, смыть пот и пыль с разгорячённых тел. Нам предстояло, ещё одно дело, отвадить кабанов и добыть трофей. Свежее мясо сейчас было бы, очень кстати. С Ерофеем, договорились ещё днём, когда были одни, что поспим до полуночи, а потом пойдём на огород в засаду. В нашей крепости всё было готово к ужину. Груня с девчонками закончили все дела по хозяйству и ждали нас. Наскоро поужинав, мы все пошли укладываться спать, мне постелили на чердаке. Я так и не сомкнул глаз, хотя устал за день. Луна светила в слуховое окно, и когда силуэт Ерофея заслонил её, я быстро, молча, поднялся, мы тихо вышли во двор. Первый раз в жизни, я иду на охоту, никогда, ни кого не убивал, что я буду делать с этим мушкетом, мне бы «калаша» с полным магазином. Ерофей шёл впереди, с фузеей наперевес. Он шептал мне, – как придут, целясь лучше, ударим в раз, а второго не будет, убегут! Я кивал головой. Мы сидели, в заранее вырытом окопчике, и молчали, не помню как, но я задремал. Очнулся от толчка, локтем в бок, и увидел, десятка полтора кабанов, во главе с матёрым вепрем-секачем. Они быстро семенили в нашу сторону, но уткнувшись рылами, в возведённую нами изгородь, тихо зарюхали, забеспокоились, почуввав опасность. Выстрел Ерофея меня оглушил, я замешкался, забыв, что нужно целиться, выстрелил наугад, и случилось чудо, я попал. Я видел, как в замедленном кино, картечь взъерошила щетину, впиваясь в молодого кабанчика, который громко взвизгнув, подпрыгнул и пал замертво. Дым рассеялся, а Ерофей, широкими шагами бежал к изгороди, мигом перемахнул её, и, размахнувшись, со всей силы воткнул под лопатку тесак, пытавшемуся встать секачу. Охотник, с опаской, проворно отпрянул в сторону, но секач завалился на бок, пару раз дрыгнулся и затих. Моё возбуждение унялось, я осмотрелся, кабанов и след простыл, луна потускнела, и уже забрезжил рассвет.

– С трофеем тебя Ерофей! – И тебя с почином Микола, жирную свинку завалил! Ерофей был рад удаче, – слава те, Господи, что не оставил надежд наших! – Однако, Микола, не унести нам добычу! Кабан пудов 10 потянет, да свинка ещё, пойду карюху запрягать! А ты постереги! Я сидел на одиноком пне, как будь-то специально для этого оставленным, и любовался восходом солнца, красота неопишная, вся природа ликовала разными цветами, навстречу новому дню.

Нашей добыче были рады все, Груня улыбалась, открывая ворота, и ребятня, горлая, бежали навстречу, они понимали, что теперь будут кушать мясо. – Тятя, почто нас на охоту не взял? – Вот сегодня прополете весь огород, вдругорядь всех и возьму! Всё шло своим чередом, завтракали, потом разделявали туши, солили сало и мясо. Ерофей сокрушался, что нет ледника, – обязательно сделаю! Кадушки с солониной снесли в погреб и пошли оба на чердак отдыхать. – Сегодня городить не пойдём, вот отдохнём и рыбачить будем, есть у меня сетёшка-путанка, так плавающим займёмся, раз у нас сегодня день добычи харча, а уже завтра с утрачка и начнём. Дел то, Микола, полно, всё успеть до зимы надо. День на городьбу уйдёт, а потом надо хлев, конюшню, курятник строить, ледник опять же, а там и покос подойдёт. И, больше я ничего уже не слышал, потому, что спал крепко, и долго, ничего мне не снилось, ни Тонька, ни сыновья. Меня никто не будил, солнце заглянуло в слуховое окно, и я проснулся от яркого света. Лежанка Ерофея была пуста, спустившись в низ, я увидел всю семью, готовившуюся к обеду. Груня молвила, – замаяли мы тя, Микола, покою ни днём, ни ночью, как отдохнул то? – Спасибо, хорошо, как будь то, год спал! – Ну, сидай к столу, – сказал Ерофей, – отведаем свежатины! Груня поставила на стол большое парящее блюдо, вкусно запахло жареным мясом. На столе лежал ворох зелени, дикий лук, щавель и ещё какая-то трава. Ерофей перекрестился, махнул рукой, – налетай, орава! – А я, Микола, успел уже сеть починить и долблёнку утянул

на реку. Кешка, торопливо, похвастал, – а мы, весь огород пропололи, тоже на рыбалку пойдём! – Да, кабы не рыбалка, вы бы ещё дня два пололи, улыбался Ерофей! Девчонки остались дома с матерью, а Кешка и Митька спускались к реке, впереди нас, неся на плечах весло и багор. После, когда мы отплыли от берега, я правил лодкой, Ерофей командовал и распускал сеть, они бежали, наравне с нами, по берегу. Хитрая конструкция, связанная с сетью бечёвкой, сама тянула сеть к противоположному берегу, и вот, в руках у Ерофея оказался другой конец сети. Он быстро привязал к нему другую бечёвку и выпустил на нужную длину, – всё, баста, теперь будем сплавляться и ловить! Ширина русла была около ста сажён, а наша сеть 80, мы, практически, перекрывали всю реку, течение было не быстрым, а глубина, местами, достигала 20 сажён. Не прошло и пяти минут, Ерофей через бечёвку ощутил первые удары в сеть, и он считал вслух, – одна, две, три, – после десяти, удары стали так часты, что он прекратил счёт и крепко держал бечеву обеими руками. Два рывка были столь сильны, что их увидели даже пацаны на берегу. Кешка кричал, – Тятя, это осетры, не упusti, держи крепче! – Похоже на то, – сказал Ерофей, – давайка к берегу, Микола, вон к той песчаной косе! Я грёб что есть силы к берегу, Ерофей стиснув зубы с усилием держал сеть, только бы бечева выдержала. Лодка зашуршала по песку днищем, нос вышел на берег, Ерофей вышагнул из лодки, не обращая внимания на то, что зачерпнул в сапоги и вымочил шаровары почти под пах. Он прохрипел, «помогай Микола!» Я, также как он, в азарте, выскочил прямо в воду и ухватился за бечеву, сразу почувствовав удары и тяжесть, находившуюся под водой. К нам на помощь, со всех ног, бежали радостные Митька и Кешка. – Там пудов 50, не меньше, без подводы опять не обойтись! Показалась сеть, с бьющейся в ней рыбой, обдавая нас брызгами. Рыбы было так много, и разной, так что дух захватывало, я не видел столько ни разу, и какой рыбы. Вперемешку, бились, шевелились, изворачивались, ленки, муксуны, гольцы, нельмы разных размеров. Много было стерляди, несколько изрядных тайменей. Налимов, щук, яззей, лещей и прочую мелочь, мы не брали в расчёт, а сеть ещё не вытянули и половину. Кешка и Митька, крупную рыбу били колотушкой по голове, и оттаскивали сеть подальше от берега, так продолжалось до получаса, мы все взмокли от пота, и нельзя было остановиться передохнуть, тянули, тянули сеть из последних сил. Вдруг, вода сильно взволновалась, показался сначала заострённый нос и огромная голова. Громадный хвостовой плавник широкой амплитудой работал туда-сюда, осётр-самка пудов на десять, не смог пролезть головой в ячею ряжа, и запутался только носом, рыба могла уйти в любой момент. Кешка, с размаху зацепил её багром, но вытащить один, конечно, не мог. – Держись сынку! Ерофей бросился на помощь сыну, в след за этим, я получил такой рывок из глубины, что оказался в воде по пояс, еле удерживая не посильный груз. Я видел, что конец сети, где то рядом, крестовина, как поплавок удочки, ныряла и всплывала, чуть больше десяти саженей от берега. Меж тем, Митька глушил колотушкой голову осетра, которого Кешка с отцом тянули подальше на берег, бросив его, кинулись все ко мне на помощь. Сеть как и раньше была забита рыбой, дядя Микола там ещё осётр большой, но наши ожидания были обмануты, в воде показалось что то чёрное и очень большое, – да это сом, – немного разочарованно, молвил Ерофей, – ну, нам и сом сгодится! Огромный сом, пожалуй, не меньше осетра, сильно запутался, почти в самом конце сети, наши труды по вытягиванию снасти подошли к концу. – Иннокентий, а дуй-ка ты на подворье, запрягай Карюху и на подводе назад, а мы пока крупняк из сети выпутаем, делов то у нас много! – Ерофей, что с рыбой то делать будем, вон её сколько, попортится? – Не горюй, Николай, не испортится, мы её солить, вялить, сушить, коптить будем, ну и кушать, конечно, тоже, всю оприходуем. Потрудиться, конечно, придётся, в спешном порядке, ну да как без этого?! Соли я прошлым летом пудов пять напарил, хватит пока, она вся здесь на зимовье. Озерцо тут нашёл, под Сохачьим Мысом, вода в нём густая, рапа одним словом, хоть на боку катись, не утонешь, так, еже ли, не хватит, заготовим ещё. – Ерофей, хорошо, что здесь и рыбы и зверья много, а продавать всё это не пробовал, или нет покупателей? – Ну как же, нет? Продавал всегда ранее, до про-

шлого лета, и мясо и рыбу и меха, я же охотник, жил этим, да вот беда, в прошлую зиму в селе Рогожном острог поставили, прислали из Тобольска роту стрельцов и сотню казаков, опасно мне там появляться, я же беглый. Да, как ни ряди, со службы сбёг, дезертир, стало быть, и вдобавок, девицу умыкнул! Рогожное, самое ближайшее торговое место, от нас 40 вёрст, если считать от деревни нашей. – Так ты в розыске, что ли? – Очень, даже, может быть! Тестюшка мой, атаман Вакула, тогда во все стороны конные дозоры в погоню рассылал, грозился, только приведите, самолично изрублю, и мог бы запросто, в гневе, старого привратника Григория засёк нагайкой до полусмерти, за недосмотр. Это поведал мне дружок мой, сослуживец-одностаничник Савелий, господь свёл меня с ним с первым, там в Рогожном, прошлым летом, а не то замели бы меня в острог, как пить дать. Сотник, Сила Дробот, ещё тот волчара, и первый друг атамана Вакулы, и не встренься мне Савка, не упреди, непременно меня опознали бы, ведь я из этой сотни в вестовые ушёл, повязали бы сразу. И пришлось мне, наскоро, за полцены, продать весь товар свой, первому попавшему проезжему купцу, и дай бог ноги, скорей до дому. А ныне сам видишь, не до торговли было! Но об этом мы ещё крепко подумаем! Мы выбирали из сети крупную рыбу, и ложили в разные кучи по сортам, ценные породы осетровые и лососевые Ерофей называл рыбой, а все остальные так себе, сорная рыба, и во вторую категорию по его меркам попадал и огромный сом. И в процентном отношении это составляло, примерно, 50 на 50. – А вон и Кешка едет, зараз погрузимся и дома набросимся всей оравой!

Я ехал лесом, дорожка петляла и петляла, по сути это была широкая тропа, для проезда одной подводы, Карюха бежала трусдой, но легко и проворно, поскольку телега была загружена только для вида, несколько балыков, копчёный кабаньей окорок и пуд соли. Митька, лёжа на подводе, выглядывал из под рогожи, коей была она укрыта, и молча смотрел по сторонам. Я тоже был в плаще, потому как накрапывал мелкий дождь. – Ну что Митрий приуныл? Скучно? Может, домой повернём? – Ни как не можно, дядя Микола? Я усмехнулся, целью нашей поездки была разведка, и мы, волей-неволей, думали, как нас встретит Рогожное! С той первой нашей незабвенной рыбалки минуло три недели, за это время мы сделали всё, что планировал Ерофей, вся скотина справит к зиме новоселье, выкопали и обустроили ледник, осталось лишь наполнить зимой его льдом. И ещё мы срубили баньку, которой все были несказанно рады. И случилось ещё одно событие, которое взволновало и обрадовало нас, как великий праздник. Нашлись односельчане Ерофея из сторевшей деревни. Как то поздним вечером, уже укладывались спать, яростно залаял Буркан, приступом кидаясь на ворота, все мы заняли места у бойниц. Буркан лаял не так, как обычно лает на зверя, – кого чёрт принёс, – прокричал Ерофей? Буркан умолк и завилял хвостом, из-за частогокола послышался старческий голос, – уж не ты ли это, Ерофеюшка? – Я...!? – Пусти заплутавших охотников на ночлег!? Мы Сергей Бастрык и Ванюха Жиллов! Ерофей кинулся отпирать калитку. Груня уже разожгла самовар и накрывала на стол, гости наши от усталости валились с ног, мы усадили их на лавку, Груня поднесла им квасу, они жадно пили. Старик Сергей был в прошлом тоже казак, в деревне жил через два дома от Ерофея, он был худ и ростом под два метра, а в ухе у него блестела бронзовая серёжка, напившись, он благодарил Груню. – Спаси ты, Христос, Агриппинушка, не дала нам от жажды помереть! Иван был коренастый, молодой парень, его уже клонило в сон, он сидел, прислонившись к стене. Ерофей, видя их состояние, не стал ни о чём спрашивать, – ну, давайте ближе к столу, перекусим, чем бог послал, а утре поговорим!

И утром они поведали, что с ними было в тот страшный день, татарского налёта, Иван тогда только женился, медовый месяц был у них с Натальей, отец приехал домой с заимки по делам, а мать осталась там, травницей была Дарья Жилова, ей нужно было разобрать высушить собранные травы и корешки. Так вот отец отпустил их с Натальей к матери, тем самым спас их, а сам погиб в бою с басурманами. Старик Сергей встретил врагов в одном строю со своими тремя сыновьями и рубился до последнего, пока его старуха, дочь и сноха с двумя ребятами бежали в лес. Но добежали не все, дочку поймали арканом и увезли, жену-

старуху убили из лука. Тяжело ранен был младший сын, зарубили, насмерть, старшего сына, вдова-невестка была на заимке с детьми. Ещё уцелели Фома Носов и Глеб Ракитин, семьи свои спасти не смогли, но, и в плен не дались, на конях были. – Вот, мы впятером всех и схоронили, в общей могиле, и ещё подобрали пятерых раненых, Фёдора Росляка, Ивана Молчуна, Терентия Буйнова, Тита Зимина, Егора Криворукова. Всех доставили на заимку, где их Дарья Жилова с бабами выхаживает, Иван и Тит померли от ран, а остальные уже начинают вставать, потихоньку. – А, как вы здесь- то оказались? Спросил Ерофей, уводя разговор от горестных воспоминаний. – Позавчера, пошли мы с Ваньшей на охоту, ранили сохатого и вот, заплутали, идя по следу! – Так вы без собаки, что ли? – Да был с нами Шарик, всё лаял, бежал за зверем, а вчера его, с полудня, слышать перестали, то ли угнал далеко, то ли домой убежал, молодой пёс, дурной ещё! И вышли мы, вечер, на незнакомую тропу, там за рекой, реку, держась за бревно, переплывали, а тут и крепость твоя! Молодец, Ерофеюшка, и семью спас, и дом построил, а нельзя ли нам, тоже здесь обосноваться? – Да, ради бога, Сергей Прокопович, место тут хорошее, и всем его хватит, помогу переехать! И вот, вскоре, выросло на берегу реки, ещё четыре, крепости, подобных, Ерофеевой. Рубили сообща, помогали друг другу, чем могли, и жизнь стала налаживаться. Это место, на берегу реки, как то, само по себе, стало называться, Ерофеева Заимка. Потом начался покос, косили тоже все вместе, но, как, на зло, зарядили дожди, не сильные, но частые и пакостные, для покоса. Нужно было переждать непогоду, и было мучительно тратить даром драгоценное время. Собирались вместе и на общем сборе думали и решали чем заняться для большей пользы. Теперь у нас был хлеб, но запасы муки, которые были на заимках Жилова и Бастрыка заканчивались с тоскливой быстротой, и их надо было, как- то восполнять. Так же нужно было зерно для посева озимых, нельзя было упустить сроки. И снова встал вопрос о торговле. Для каждого из сельчан риск появления на ярмарке был так велик, что пропадала охота, потому как все они были беглые, или оказавшиеся здесь иным, не законным путём, и «пачпортов», как выразился Ерофей, не имели, а это сулило лишь путь на дыбу, кандалы и каторгу.

И тогда я предложил свою кандидатуру, уверив всех, что я здесь человек новый и ни в чём не замешанный, пойду, схожу на разведку. – Зачем же идти, сказал Ерофей, поезжай на Карюхе, возмёшь кой-чего продать, и Митьку с собой возьми, он дорогу помнит и за Карюхой присмотрит, когда надо, да и веселее вдвоём то!? Так и порешили. И вот мы едем уже битых три часа, а может и больше, солнышка не видать из-за туч, невозможно сориентироваться, хотя бы приблизительно. Митька сказал, что в Рогожном будем только к вечеру. Нудный дождь сопровождал нас всю дорогу, с редкими перерывами. Дорога наша зарастала, трава была Карюхе выше колен, и частая молодая поросль берёзок и осинки, говорила о том, что дорогой редко пользовались, а если точнее, то один или два раза в год, потому как, прокладывал её Ерофей, и больше никто о ней не знал. К вечеру дождь прекратился, и неожиданный лучик солнца отразился зайчиком от золочёных куполов храма, сквозь редкие ветви деревьев, прямо нам в глаза, вот оно Рогожное. Я вспоминал инструктаж Ерофея, при въезде в село, на малой улице, первая изба с левой стороны, там живёт вдова Устинья-Знахарка, Ерофея всегда принимала на постой, за не большую плату. Дорога сделала ещё десяток поворотов и прямо под низко нависшими ветвями кустов вынырнула из леса, ох и хитрый был Ерофей, я старался запомнить место и эти кусты, чтобы потом с успехом вернуться обратно. А вот и Большая улица, за ней Малая, подъезжаем к крайнему дому, Митька шепчет, «вон тётка Устинья, курей кормит в ограде». Я это уже понял и подойдя, степенно, к заплоту, снял шапку, и поприветствовал её не громко, «день добрый, Устиньюшка!» Она подняла голову, повязанную платком, и с улыбкой ответила, «добрый, только уже вечер!» Она была красива и примерно одного возраста со мной, и я, почему, то смутился. – Откель будете, люди добрые? – Да вот привезли вам поклон от Ерофея, не пустите ли на постой? – Ой, да жив-здоров ли?! Прощлым летом был, уехал не простившись! – Да жив-здоров, и вам того желает! Устинья, открыв

ворота, взяла кобылу под узцы, «проходите в избу, я зараз обернусь!» Мы с Митькой вошли в дом, перекрестились на образа, с печки на нас смотрела девчушка лет шести очень похожая на мать, а под столом ползал карапуз, и странное дело, мне показалось, что он очень походил на Ерофея. – Здравствуй красавица! Можно ли нам с дороги присесть на лавку? – Сидайте, пожалуйста! Быстро соскочив с печи, кинулась на улицу, но в дверях столкнулась с матерью, «куда ты стрекоза оглашенная?» – Я за тобой! – Так помогай мне, Юлия, стол накрывать! Устинья принесла с огорода ворох зелени и огурцы, помидоры, быстро нарезала и заправила всё это сметаной, тораторя на ходу, «вот беда, соли щёпоть осталась, и на рынке она здесь редко бывает, и дорого!» Я вскочил, как ужаленный, вспомнив наказ Ерофея, и пошёл за гостинцами. Выйдя во двор, я распряг Карюху и поставил её под навес, взял из телеги мешок с гостинцами, там был осетровый балык, копчёный окорок и четверть пуда соли, еле взвалил на спину его и понёс в избу. – Батюшки, богатство какое, всплеснула руками Устинья, когда я выложил всё на стол. И, продолжая накрывать на стол, говорила, «ныне всё тут подорожало, потому как берут налоги за всё, должников за недоимки в острог сажают, и коли недоимки не покроют, в железах на каторгу гонят!» Достав ухватом из печи чугунок с картошкой, Устинья пригласила нас к столу, а сама всё говорила и говорила. – Митька то, два года назад, совсем малый приезжал, а теперь вон какой жених! Юлька засмеялась, а Митька наклонил голову и засопел носом. – Ну как вы там поживаете? Родит ли жито? Митька с дрожью в голосе молвил, «пожгли нас татары, тётка Устинья, мужиков порубили, баб в степь угнали!» – Ой, прости господи! Да как же Вы живёте? Я отвечал, «все кто жив остался, укрылись в лесу, скотину оставшуюся прибрали, отстроились на новом месте, да вот хлебушка у нас нет, в разведку нас прислали. – Ой, что это я соловьёв баснями кормлю, как вас звать-величать? – Зови меня просто, Николай! – Ну, давай Николай, за знакомство, и чтобы еда по вкусу пришлась, ворковала Устинья, наливая из кринки в мой бокал, пахнувший мёдом напиток. Мы выпили с ней медовухи и стали закусывать свежим салатом, а Митька уплетал за обе щёки картошку, тушоную с салом. Меж тем, за окном уже потёмки, Устинья занавесила окошки и зажгла лучину, Митька зазевал и стал клевать носом. – Умаялся бедненький, айда-ка вот с моими ребятишками на полати! Из Устиньных рассказов я уже знал, что соль здесь нынче ходовой товар, и цена ей двугривенный за фунт, осетрина и таймень тоже в цене, а сохатина и кобанятина дешёвы. И что мука и зерно на базаре с избытком, но цена тоже повысилась, сговорились с Устиньей, что она пойдёт со мной для прикрытия. Как будь то я её брат, в гостях из далека. Меня тоже клонило в сон, от усталости и от выпитого, хорошая была у Устиньи медовуха. Положила меня хозяйка на деревянную кровать, занавешенную покрывалом-алькавом, я разделся и сразу уснул. Не знаю, сколько я спал, но проснулся от жарких объятий Устиньи, она была вся нагая, я не видел, но чувствовал это в темноте всем своим телом, она покрывала моё лицо горячими нежными поцелуями и шептала. – Миколушка, любимый мой, обними меня крепко-крепко, люби меня этой ночью, я вся расту от тебя, я твоя. Всё моё естество, вмиг взволновалось и отозвалось нежно на горячий женский призыв. Я целовал её в губы в шею в упругие груди и не мог насладиться ею, хотелось, что бы это продолжалось вечно, она обвила меня руками, как будто то, хотела слиться со мною во едино. Потом, после, совершенно обессиленные, но счастливые, мы отвалились на подушки. Мы лежали, отдыхая, и шёпотом разговаривали. – Хороший ты Коленька, женатый али нет? – Женатый, двое пацанов растут, только они очень далеко, и давно их не видел. Сейчас я не хотел ни о ком думать, мне казалось, что я люблю только Устенку, у меня ни разу в жизни так не случалось ни с кем, как сейчас, с милою Устенкой. – Миколушка, я тебя ни к чему не принуждаю, и винить ни в чём не буду, ни когда, я любить хочу! Мне двадцать пятый годок всего, а я уже вдова, мужик мой, казак, сгинул где то в походе, и что мне делать, руки на себя накладывать? У меня дочка от него осталась, и сынок вот родился, без него. Знаешь кто отец? – Догадываюсь, Ерофей? – Конечно, грех не узнать, вылитый батька. Ерофей тоже хороший, я его не виню, сама приглубила, а он винит себя и предо мной и перед Груней.

Ну да хватит об этом, мы с тобой сейчас и ночь эта наша, иди ко мне, любимый мой! И снова всё повторилось, я был на седьмом небе, я был счастлив, мы были счастливы! – Приезжай ко мне, милый мой, чаще, я всегда тебе буду рада. Мы уснули за час до рассвета, и проснувшись с первыми петухами, были отдохнувшими и снова счастливыми. Быстро умывшись и одевшись, мы занимались домашними делами и управлялись по хозяйству, и всё у нас получалось легко и слаженно, мы улыбались друг другу, и я заметил в глазах её лёгкую грусть, которую она старалась спрятать, она уже переживала нашу скорую разлуку.

Когда проснулись ребята, Устинья умыла Петрушку и усадила всех за стол завтракать, не теряя времени, наказывала Юльке смотреть за мальцом, и что нужно сделать, пока матери не будет дома. Позавтракав, мы с Митькой запрягли Карюху, и выехали за ворота, я подсадил Устинью на подводу, и поехали за околицу. Нужно место нашли быстро, когда дорога спустилась в ложбинку и скрыла нас от посторонних глаз, я загнал подводу в кусты тальника на небольшую полянку, где она была не заметна со всех сторон. Достал из под рогожи пустой мешок, положил в него два тайменевых балыка и четыре фунта соли в мешочке. Митьке сказал, «ну, Митрий, сторожи добро, коли нагрянут злые люди, пали из пистолей и дуй домой, а сейчас сиди тихо и жди нас, когда вернусь, тебя окликну». – Понял? – Понял дядя Микола. Мы пошли с Устиньей в село.

Рогожное, в ту пору насчитывало полторы тысячи жителей, да плюс к этому сотня казаков и рота стрельцов, ещё пятьсот душ. Стрельцы сторожили все главные дороги, а так же острог и патрулировали улицы. А казаки конными дозорами объезжали село вокруг и секретами стерегли дальние подступы, так же служивые помогали фискалам собирать налоги. И попасть им на глаза в наши планы не входило.

Мы уже входили по просёлку в село, как нам на встречу выкатила богатая повозка, запряжённая гнедым жеребцом, она явно направлялась на проезжий тракт. Я вынул из мешка балык и поднял над собой, богато одетый мужик, правивший повозкой, остановился, «никак продаёшь рыбину?» – Почём? – За полтинник, сказал я, у Устенки, от удивления, полезли брови вверх! – А давай, не торгуясь, согласился купец, «есть ли ещё?» – Есть, ещё одна такая же! – Давай, и бросил мне целковый. – Погодь купец, а не нужна ли тебе соль? – Почём торгуешь? – Две гривны фунт! – Сколько продаёшь? – Четыре фунта! – Беру, и начал отсчитывать монеты. – Это надо же, ободрали меня тут как липку, налог три копейки с гривны! -Не поеду сюда больше хлеб продавать! – А мне нужно мясо, рыбу и соль менять, на муку и зерно, может, сговоримся? – Сговоримся, а как встренемся? – Связь будем держать вот через эту милую женщину! Мы рассказали купцу, как найти здесь Устинью и довольные ударили по рукам. Когда повозки и след простыл, Устенка удивлённо сокрушалась, -это надо же рубль за две рыбы, это целое богатство, за полтинник три рыбины берут! В лавке мы закупили полный мешок сладостей, печатных пряников и медовых сот, потратив на всё две с половиной гривны. Выйдя на улицу, я взял её руку и положил в маленькую ладошку все оставшиеся монеты, -ой, зачем мне столько денег, Миколушка? – Завяжи в узелок, лишняя копейка тебе никогда не помешает! Мы шли вдоль по улице за околицу, мне стало грустно, я вдруг почувствовал, что мы с ней больше не встретимся никогда. Навстречу нам шли четверо стрельцов, с капралом во главе, внимательно глядя на меня, старший спросил. – Кто таков?» – Капрал Галитин, в отставке по ранению, приехал вот сестрицу навестить! – Пачпорт послужной кажи?! Я деловито зашарил рукой за пазухой, якобы ищущий там паспорт, которого нет совсем, и лихорадочно соображаю, что бы можно предпринять, сзади послышался останавливающийся цокот копыт, оборачиваясь, вижу казачьего урядника, не весело подумал, «влип». А Устинья улыбаясь, его приветствовала, -здравствуй Савушка, а нас тут зарестуют, Микола, братец ранетый, у меня гостит! Я понял, что этот Савушка, тот самый друг Ерофея, и тоже улыбаясь, помахал ему рукой, хотя мы совсем не были знакомы. Савелий приветливо здоровался со всеми, -здорово казачка, здорово Микола, здорово служивые! – Фома Егорыч, отпусти Миколу, давно его знаю, наш чело-

вик, воевали вместе! Когда красные кафтаны стрельцов скрылись за поворотом, Савелий слез с коня и любуясь Устиньей, серьёзно спросил меня, – кто ты? – Успокойся Савушка, это друг Ерофея, по делам он тут. – Как там Ерофей? Я отвечал, – Ерофей жив- здоров, а вот села нет, татары в июне спалили, мужиков порубили, баб в полон увели! – Муки и зерна у нас нет, за этим я здесь! Савелий стоял, задумавшись, – так вот куда бежал тогда хан Котей от нас! И он рассказал, как в июне прискакал гонец с южной заставы, доложил, что сюда идут татары, тысяча конных, и мы быстрым порядком, казаки и стрельцы на подводах выдвинулись им на встречу. Засаду сделали по Котляньскому логу, на высоком берегу, в старых оброшах поставили пушки, все шесть, казаки спешили и засели в окопы наравне со стрельцами, и как раз вовремя. Показались татары, они летели лавиной торопились застать Рогожное врасплох, но картечь из наших орудий и залпы стрельцов и казаков быстро умерили их пыл и убавили их ряды почти на половину. Когда татары в замешательстве повернули назад, сотник скомандовал по коням, и мы ударили им наперерез в самый центр скопища, стреляли из пистолей, кололи пиками, рубили пашками, и разделили их на части. Молодой хан с тремя сотнями ушёл в леса, а старый хан с остатками своего войска побежал на юг, мы преследовали его. Может он и ушёл бы от нас, но стрельцы и казаки Карачунского острога заступили ему путь у реки Масыш. Зажали мы их с двух сторон на берегу, порубали всех, потому как сдаваться они не захотели. – Я тогда отличился, сотника нашего от смерти спас и взял в плен старого хана Батыса, произвели меня в урядники! – Однако пора мне, на базар не суйтесь, в селе не маячте, Микола без казённой бумаги, не в острог, так в рекруты попадёт сразу, набор идёт срочный, войско в поход готовим, на татар, житья от них не стало! – Хлеб купите за околицей, у леса, тайком, подождите какого-нибудь сельчанина хитрого, сейчас много таких, кто налог платить не хочет, только прячьтесь, обязательно дождётесь и сторгуетесь, ну прощайте, Ерофею и семье его поклон от меня. – Указ везу по окрестным сёлам, что бы рекрутов на сборы в Рогожное отправляли, срок октябрь. Только мы вышли за околицу, навстречу нам две подводы, первая гружёная мешками, правил ей крепкий мужичок, с хитровой улыбкой, а на второй, порожней, сидели два здоровенных детины, с угрюмыми лицами. Мужик остановился сам, приветливо поздоровался, и спросил. – Скажите люди добрые, а не знаете ли вы, кому здесь зерна али муки надо? – За дешёво продам! А глаза его подозрительно бегали из стороны в сторону! Но выбирать мне было не когда, и я сказал. – Да я бы обменял на рыбу и на соль, если ты согласный. У мужика глаза загорелись, и он, не торгуясь, молвил, – согласный я. А я сказал, – товар то у меня не с собой, проехать надо, не далёко! Мужик, в свою очередь, сказал, – упрежу сыновей, что бы ждали меня здесь на дороге, быстро, что- то им сказал, парни развернулись и укатили по просёлку. Подошёл к нам, – ну сидайте, куды ехать то? А ехать было нам не более ста сажён, до кустов, где прятался Митька. Когда подъехали, я крикнул тихо, – Митька, – и услышал, – здесь я! – Загоняй ка, дядя, подводу в кусты, – показал я рукой направление. И вот подводы встали рядом, отбросив полог, – всё на всё, как договаривались, – проговорил я, наблюдая за реакцией мужика. – Да, да, – быстро забормотал он, пытаюсь один перегрузить товар, я конечно помог ему, и он скорее уехал. Теперь, подвода наша, была загружена изрядно, если учесть, что Карюха должна везти её 60 вёрст. В телеге было пять мешков муки, пять мешков ржи, и три мешка овса, я развязал мешок с овсом и насыпал Карюхе полную торбу, сейчас нельзя было экономить на себе. Вот и пришло время расставания, прощание было не долгим и скромным, мы не смели при Митьке, по понятным причинам, показывать свои чувства. Я насыпал Устинье в фартук сладостей, ребятишкам, она держалась, что бы, не заплакать. Сказала только, – приезжайте скорее, поклон от нас всех, всем вашим, и быстро, не оглядываясь, пошла до дому. Мы с Митькой сели рядом на мешки и тронулись в обратный путь. Я рассказывал Митьке, какие тут нынче цены на товары, как продавал купцу рыбу и соль, как нас допрашивал патруль, о встрече с Савелием, в общем, обо всём, об уговоре с купцом, Митька всё внимательно слушал, мы были у самого леса. Вдруг на дорогу, с обеих сторон, из кустов вышли те самые угрюмые парни-

сыновья, и вынули из-за голенищ ножи, – паря, не слишком ли много в телегу нагрузил? Теперь я понял, почему мужик-отец не торговался, я сунул Митьке в руки вожжи, сказал, – езжай круче, – и вынул пистолеты, парни были уже в пяти шагах, я разом выстрелил по ним. Первый, навзничь, рухнул замертво, второй, держась рукой за грудь, отползал с дороги. Митька, что есть силы, хлестанул Карюху вожжами по холке, и она, как ужаленная, рванула вперёд. Я услышал сзади свист, и, обернувшись, увидел только огромную дубину, летевшую мне прямо в лоб, свет померк в моих глазах, удар был такой силы, что я слетел с телеги, и куда то падал, падал. Карюха, беззвучно хохотала надо мной, и трясла своей головой, а на шее у неё звенели бубенчики, откуда они там взялись, а я всё падал и падал, и бубенчики продолжали звенеть и звенеть. Наконец, я мягко приземлился, открыл глаза, полумрак, над головой, на стене висят часы, только не слышно тик-тик-тик, из-за бубенчиков. О, чёрт, да это же звонок в прихожей, я дома!? Быстро встаю, включаю свет, и иду отпирать дверь, у порога стоит всё моё семейство! Антонина, строгим, недовольным голосом пеняет, – Николай, ну и спать ты, горазд! – Полчаса звоню, думала, не дозвонюсь, – проходя в квартиру, напомнила, – на работу не опоздай, восьмой час уже! Я стоял, заторможенно соображая, обо всём произошедшем, сыновья вернули к действительности, бросились ко мне радостные, соскучились, значит.

Глава вторая. Семья, завод и воз забот!

Я, в самом деле, опаздывал, завтракать уже не когда, надо бежать на остановку, и я выскочил на площадку, застёгивая пуговицы на ходу. Как, назло, не работал лифт, и я нёсся, как пацан, вниз по лестнице, перепрыгивая через три ступеньки. Уже выбежав из двора, и обогнув последний дом, я увидел, как включив поворот, от остановки, медленно, пытался отойти мой автобус, я прибавил скорость, и, догнав его из последних сил, громко забарабанил в двери. Шофёр, открыв дверь, впустил меня, и, трогаясь с места, громко объявил по селектору, – успел каскадёр! Дружный хохот пассажиров не прибавил мне оптимизма, надо было видеть меня в тот злополучный момент, я еле втиснулся в проход, тяжело дыша, красный, как рак, и вдобавок, шапка съехала козырьком на ухо. Я проехал уже одну остановку, и новые приткие пассажиры уже подпирали меня сзади, автобус ещё не тронулся, и дверь была открыта, но я, к ужасу своему, отчётливо услышал, как водитель объявил совсем не ту остановку. Я понял, что еду в другую сторону, и как взбесившийся бык, попёр к выходу, на пролом, выталкивая из автобуса всех, кто был на пути. Оказавшись на улице, я услышал селектор, – ну, правда каскадёр, – и дружный хохот, из отъезжающего автобуса. Ну, надо же так ошибиться, вместо 25го сел на 26ой. Посмотрев на часы, я точно знал, что опоздаю, 20минут до начала смены. Потом меня осенило, надо на такси, я уже видел приближающийся зелёный глазок, и кинулся к нему, как на амбразуру, шофёр резко тормознул, опасаясь сбить меня, – ты, что больной, мужик? – Нет, на завод спешу. – Шеф, бегом на промжебэ! И всё-таки я успел! Я входил в свою кабинку, и меня увидел мастер, – привет Николай! – Что-то ты, какой-то взъерошенный, на себя не похож, не заболел? – Или случилось что? Ну не рассказывать же ему, что я живу две жизни, во сне и наяву. И я сказал, – нет, всё в порядке, Петрович! Отработал смену я нормально, но всё время был под впечатлением сна, и кажется, совсем не рад своему пробуждению. День закончился быстро, субботняя смена на час короче, я приехал домой и застал Андрея и Сёмку дома одних. На мой вопрос, – где мать, – ответили, ушла следом за мной, не сказав куда. Я разогрел ужин, разложил по тарелкам, и мы сели кушать, не дожидаясь, Антонины. Где она может быть? Эта мысль сверлила мне мозг. Наши отношения портились всё больше и больше. Я вспомнил тот день, когда мы пришли с праздничного ужина, от тёщи. Я пьяный завалился на диван, а Тоня думая, что я сплю, с кем то очень мило разговаривала по телефону и назвала кого то Толиком, потом я на самом деле уснул, не надолго, проснувшись от жажды, я не нашёл её дома, не ужели она мне изменяет? Я пошёл тогда в ванную, набрал воды, и плюхнулся в неё, прямо в одежде, так было, пакостно, на душе, плюхнулся и провалился в другой век, в медвежью яму, боже, что со мной?! Когда я помыл уже посуду, и сидел с ребятами, смотрел телевизор, щёлкнул в двери замок, я взглянул на часы, четверть шестого. Вошла Тоня и растерялась, не ожидала, увидеть меня дома сейчас, думая, что я приду после шести, забыла, что сегодня суббота! Потом, собравшись с мыслями, заговорила, – ой, вы все уже дома, а я у подружки засиделась, сейчас ужин разогрею, всех накормлю. – Я сама уже поужинала! – Мы тоже уже поужинали, – сказал Семён, Тоня ушла в другую комнату. Всё было не так, как обычно, что дети, тоже заметили перемену, в отношениях родителей, но молчали, не показывая вида. – Папка, а бабушка нам игру новую подарила, она к телевизору подключается, поиграй с нами, – просил Сёмка. – Да я же в этом ни чего не понимаю, поиграйте без меня, – и Сёмка с Андрюхой, довольные, стали подключать приставку. Я пошёл на кухню, открыл форточку и закурил, завтра воскресенье, выходной, чем заняться? Может съездить с сыновьями на лыжную базу, если будет погода, и как поведёт себя завтра Тонька? Очень даже интересно! Она легла уже, на не разобранный диван не раздеваясь, и надо полагать, муж ей на супружеском ложе сегодня не желателен, честно признаться, мне тоже лечиться с ней не хотелось. Мысли переключились на Ерофееву Заимку, вот где мне, по настоящему, интересно, всё ли там благополучно? Как доехал Митька?

Я бы там сейчас развил такую деятельность, по заготовке соли и рыбы, только держись! Меня тянуло к Устинье. Смешно? Мне не очень! Ночевал я на полу, у батареи, странное дело, мне совсем ничего не снилось, я встал, как обычно, в шесть, убрал подушку и одеяло, Антонина лежала, как и вчера, но я видел, что она не спала, только делала вид. Умывшись, я выглянул в окно, градусник показывал -14, и было тихо, хорошая должна быть погода сегодня. Я пошёл собирать нужную нам одежду, на всякий случай, в семь встали пацаны, я пошутил, вам же не в школу, в след за ними, из комнаты вышла Тоня. – Коля, почему ты меня не разбудил вчера, я так устала, уснула как убитая! – Вот я и не хотел тебя беспокоить! Наш спектакль не провёл пацанов, они понимающе переглянулись. – Папка пойдём на рыбалку? – Какая рыбалка, мы же не собраны, не готовы? – Я, вообще то, планировал на лыжную базу? – Ты как, мать? – Ой, я не могу! – Мы с Верой вчера договорились идти на рынок, мне нужны новые сапоги, а ей шаль, мои уже устарели, не модные! – Это когда же они размоются успели? – Осенью брали, новые! – Вот Сёмке надо новые, подмётки отрываются, а Андрюха из штанов вырос!? – Ты не выносим, Николай! – И у нас уже нет на всё денег! – Извольте объясниться, милая, ещё и полмесяца не прошло, как я принёс тебе получку, +13ую, там была солидная сумма? Она была в ярости, – мне некогда, тебе всё это объяснять, как ты смеешь попрекать меня деньгами? – И вообще, я тороплюсь, мы договорились встретиться к восьми. – Может быть, ты сначала покормишь детей? – Сами справитесь. И, ушла. Настроение было, минус ноль. У меня хорошие пацаны, они аккуратно так, на кошачьих лапках, подкатили ко мне с двух сторон. – Да не расстраивайся ты, папка, хорошие у меня ещё сапоги, зиму додюжат, – и брюки у меня не все короткие, – вторил Андрей. – Папка, ну её эту лыжную базу, идём на рыбалку, у дамбы ёрш клюёт как угорелый, и что нам собираться, только подпоясаться, малинка с прошлого раза осталась, в холодильнике живая, ледоруб не нужен, там лед как решето, весь в лунах. Знали они, сорванцы, чем меня успокоить, я рыбак заядлый. – Ну, так быстро за стол, сейчас яичницу сварганю, чай уже вскипел! Через полчаса мы уже вышагивали по улице, предвкушая любимое занятие, до дамбы было 15 минут ходу. И правда рыбалка была по нашим меркам превосходной, ёрш клевал один за другим, погода была прекрасной, светило солнце, и безветрие. Постепенно пространство за дамбой заполнялось людьми, здесь были не только рыбаки, но и просто отдыхающие ротозеи, люди шли семьями с детьми, благо, что река протекала по центру города. Наловив кучу ершей, полведра не меньше, сложили всё в пакет и отправились домой. А я шёл и думал, когда то здесь тоже водились осетры. Домой идти не хотелось, но было нужно так, завтра ребятам в школу, должны подготовиться к занятиям. Я же займусь рыбой, почищу и сварю уху. Тяготило Тонькино поведение, терплю, но не знаю, на сколько, меня хватит, поговорю сегодня же, вечером, пора ставить её на место! Знатная была уха на обед, мы с удовольствием наелись, и сыновья уже всё приготовили к школе, и уже успели поужинать, Антонина домой, явно не торопилась. Ребята играли в свою игру, и поскольку телевизор был занят, я просматривал свой старый армейский альбом. Любительские чёрно-белые фото, некоторые слегка пожелтели, какие мы тут все молоденькие, как пацаны, только в военной форме, где вы друзья-однополчане? Как сложилась ваша дальнейшая судьба!? Среди военных фотографий попало фото Тони, Тонечки-выпускницы, в нарядной парадной школьной форме, с двумя косичками и наивный завораживающий взгляд. Мы познакомились с ней в том счастливом мае, когда я приходил в отпуск на 10 дней. Какие мы тогда были счастливые, потом она ждала меня полгода, пока я дослуживал, писала письма каждый день, и в них было любви и нежности столько, что меня разрывало от любви к ней. Потом я вернулся. И были у нас пылкие встречи, в общем, всё у нас было. Тоня училась в техникуме на бухгалтера, я поступил в учкомбинат, и через полгода стал сварщиком, а потом мы поженились. И всё у нас было хорошо, мы легко преодолевали все житейские трудности, всегда помогали друг другу во всём. Всё было, но куда-то делось, незаметно, почему мы стали чужими? В девять вечера я стал укладывать парней своих спать, – почему так рано пап? – Ещё мама не пришла! – Ложитесь, завтра в школу

рано вставать, а мать, наверное, к бабушке заехала, задержится немного. И они уснули. Жена пришла в половине одиннадцатого, чего с ней ни разу не случилось, и была она изрядно навеселе, что не входило ни в какие рамки. Тонька еле держалась на ногах, я понял, что разговора опять не получится. Захватив супругу под мышки, утащил её в комнату и положил на диван, кстати, она уже спала. Я вышел, и прикрыл в комнату дверь, меня трясло от злости! Я встал, как и прежде, в шесть утра, ночевал в кресле, в комнате у ребят, до семи часов, сделал все нужные дела, и разбудил сыновей. Антонину, я не хотел даже видеть, но Сёмка спросил, – где мама, – я сказал, – иди, разбуди её в комнате. Мне было жаль его, но не возможно всё скрыть в семье, всё равно, рано или поздно узнает. Ребёнок вышел из комнаты через минуту, подошёл ко мне и сказал, – папа, мама говорит, что у неё сегодня выходной, но мне кажется, она пьяная. – Садитесь завтракать, а то опоздаем, пусть мать отдыхает!

Мы вышли из дома вместе, им до школы было идти дворами с километр, а я повернул на остановку. – До вечера дети, – до вечера пап! Сегодня я ни куда не опаздывал, времени было достаточно, и на участок я пришёл самый первый. Мастер пришёл вслед за мной, и опять, поздоровавшись, настороженно поинтересовался, – что с тобой? – Всё нормально Петрович, жив- здоров, готов к труду и обороне. Он хитро подмигнул и сказал, – ловлю на слове! А я подумал, ох не зря он так сказал, и как в воду глядел, в пятницу, в конце смены, он зашёл ко мне в кабинку, – ну как, на счёт труда и обороны? Я понял, будет предлагать поработать в выходной, и я, в общем, был не против, но не даром, и, хлопая, не понятно, глазами, ждал, какие условия он будет предлагать. Наш сварочный цех с начала года отставал от графика, и начальство пойдёт на всё, ради наших сверхурочных. Петрович усмехнулся, – ну что ты строишь дурачка, конечно, как обычно, двойная оплата и оплачиваемый день к отпуску. – А как на счёт бесплатного обеда, или скажешь «тормозок» нести? – С обедом вопрос решён железно! – Ну, значит, сторговались, по рукам Петрович! – Иди ты шут! Он довольный засмеялся. Когда я шёл на остановку, меня догнала Светка, – Коля, Коля, Николай ты со мною погуляй!? – Да разве я против, дорожка-то общая, до самой остановки, Света! – Ой, Коленька, а до дому уже и не проводишь? – Так неудобно как то, я же женатый! И трезвый! – О, а мы выпьем, у меня дома! – Нельзя, Света, завтра сверхурочная суббота! – Уговорил тебя Петрович? – Уговорил! – Ох, меня тоже! – Ну вот, какие же могут быть гулянки? – Не вовремя ты всё затеяла. Неужели, так не терпится? – Ох, мочи нет, Коленька! – Ну что же, сочувствую, Светлана! – А вот и мой автобус. – До завтра! Я ехал домой, дома было всё относительно благополучно. В тот «пьяный» понедельник, я вечером, при детях, устроил Антонине такой разнос, пригрозив, выпнуть её за порог, и дети меня поддержали. Антонина в слезах, на коленях, просила у нас прощения, говорила, – это больше не повторится, не знаю, что на меня нашло, отмечали Веркин день рождения и не могли остановиться! Короче была прощена, и всю неделю была паинькой, приветливо разговаривала и делала всё, что положено делать жене и матери. Войдя в прихожую, увидел Тоню, разговаривающую по телефону, увидев меня, моментально сменила мимику, и, оборвав разговор на полуслове, растерянно бросила трубку. – Коля, понимаешь, Вера звонила, приглашала нас завтра в гости!? – Я не знала что ответить, не посоветовавшись с тобой?! – Тоня, я работаю завтра, попросили поработать сверхурочно, за двойную оплату! – Ну, вот вечно я в выходные одна, да одна! – Почему одна, с тобой будут Андрей и Семён, а Верка как-нибудь перебьётся. Я видел, как у неё резко переменялось настроение, но она не рискнула затеять скандал. – Ужинать будешь? – А где ребята? – Ушли на каток, я их уже покормила. – Сейчас умоюсь, накрывай на стол. Вошёл на кухню, стол накрыт на одного. – А ты не будешь? – Я покушала с детьми, и ушла в комнату, включила телевизор. Меня снова терзали подозрения, с Веркой ли она разговаривала по телефону? Верка была такая пройдоха, месяц назад развелась с шурыком, зачем Тонька с ней дружит? Даже если бы я был завтра на выходном, всё равно не пошёл бы к этой Верке! Потом, мы молча сидели в креслах, по разным углам,

и делали вид, что смотрим телевизор, до прихода детей. Спать мы тоже легли вместе, и только, а уснули мы друг к другу спиной.

Автобус шёл полупустой, суббота, и в этот ранний час, ехали только те, кому, куда-то было срочно нужно. За три остановки до завода, в салон вошла девушка, прошла и села со мной рядом, на свободное место, и я, только теперь увидел, что это была Наташа. – Привет, – сказала она тихо, как всегда улыбаясь, почему то, я рад был этой встрече. – Здравствуй, что, тоже пригласили потрудиться? – Да. – Позвонили вчера, и я согласилась, я только приехала из деревни от родителей, вообще-то я в отпуске, и выходить должна только в понедельник, но что бы я делала одна в своей комнате? Я чувствовал, она рада меня видеть, – что соскучилась по заводу? Она, молча, смотрела на меня и улыбалась. Я хотел спросить её, из какой она деревни, но объявили нашу остановку, и мы поспешили к выходу. Рабочих было не много, из нашей бригады, кроме меня, вышли ещё трое. Мы полуавтоматами варили мелочёвку, Петрович каждому дал персональное задание, варить детали нужные в первую очередь на сборке. Мастер демократично объявил, что кто раньше положенного срока выполнит работу, никого не будет задерживать до конца смены, видимо сам был заинтересован «слинять» домой пораньше. И мы все, после обеда, отработав час или полтора, уже шли сдавать ему работу. Иду на остановку, и вижу краем глаза, что за мной бежит Светка, делаю вид, что не вижу её, бегу и прыгаю на подножку отходящего автобуса.

Прохожу, и сажусь на свободное место, и надо же, соседкой снова оказывается Наташа, она, скромно улыбаясь, спросила, – ну, что удрал от погони? Я видел через окно, удаляющуюся остановку, и недовольную Светку, гневно глядевшую на Наташу. – Так я же опаздывал на автобус, кстати, какой это номер? – 31ый! – Жаль, у рынка придётся делать пересадку. – Наташа, а вы далёко едете? – А я живу, как раз, у рынка. – Всё хотел спросить вас, если не секрет, из какой вы деревни? – Я сам тоже деревенский! – Село Соборное, Шадурского района. Наташа сказала, – я тоже из Шадурского, село Трясихино. – Земляки! – Наташа, давай на ты!? – Я не против, Коля, только вот, уже нам нужно выходить. На остановке, я было, начал прощаться, – ну ладно Наташа, – она меня не навязчиво оборвала, – пошли ко мне в гости, ещё успеешь домой. Я замялся, не ожидая приглашения. – У меня подтекает кран на кухне, а сантехников ЖЭКа не дождёшься, посмотри, пожалуйста, – шутливо продолжила, – как истинный джентльмен, ты не посмеешь отказать даме! Она взяла меня за руку, и я пошёл.

Наташа жила в старой пятиэтажке -«хрущёвке» на первом этаже, войдя в квартиру я заметил, что малоразмерная однушка была со вкусом обставлена, чиста и уютна, хозяйка ревностно следила за порядком. – Раздевайся, проходи не стесняйся, – говорила Наташа, – я сейчас поставлю чайник! Раздевшись, я прошёл следом на кухонку, где, почти, совсем не было места, из-за нагромождения мебели. – Ну, где тут твой кран? – Ой, что ты так сразу? – Садись, посиди! – Нет, сначала посмотрим, – деликатно отодвинул её от раковины, – так, понятно, даже не специалисту, надо менять прокладку! Наташа с готовностью подала ремкомплект, – вот, купила вчера в хозяйках, подойдут? Наклонившись, я нашёл внизу на трубах кран и перекрыл его, обычная рутинная работа, которую дома приходилось выполнять много раз, была закончена через десять минут. – Хозяйка принимай работу, – важно сказал я, складывая в сумку ключи! – Коля ты мастер, мой руки и к столу!

Мы пили чай с пирожками, и разговаривали, оказывается, у нас были схожие жизненные ситуации, Наташа жила в квартире своих родителей, которые так же, как и мои, выйдя на пенсию, потянулись к истокам, в деревни, принимать наследство наших дедушек и бабушек. – Спасибо, – сказал я, отодвигаясь от стола, – ты тоже мастерица, вкусно готовишь! Наташа, улыбаясь, ответила, – пирожки пекла мне мама, в дорогу, но я тоже умею!

Потом она принесла семейный альбом, и мы, сидя рядом на диване, смотрели фотографии, Наташа осторожно, как бы ненароком, прижавшись ко мне, рассказывала, кто есть кто. И вдруг, мне попала на глаза фотография, точно такая же была у меня дома, в семейном аль-

боме родителей, на ней первомайская демонстрация, бог знает, какого года. Молодые отец с матерью ведут меня, я держу в руке флажок, а рядом тоже молодые мужчина и женщина, мужчина держит на руках маленькую девочку, с воздушным шариком в руке. Я посмотрел на Наташу, она, с неизменной улыбкой, произнесла, показав на девочку, – это я, а вот этот мальчик Коля Галитин! – Понятно, значит у наших родителей общий заводской друг фотограф, точно такое же фото есть у меня дома! – Подумать только как всё интересно, Наташа, но мне уже пора! Я встал с дивана, – спасибо за хлеб-соль, за интересную беседу, но пора и честь знать! Пока я одевался и зашнуровывал ботинки в прихожей, она стояла рядом, маленькая, стройная, в домашнем халатике, и такая красивая, но грустная. В последний момент насмелилась, шагнула вперёд, притянула меня пальчиками за пуговицу моего пальто, и тихо сказала, подняв лицо. – Коля поцелуй меня! Этого, я от неё тоже не ожидал, стоял, боясь её обидеть. – Я женат, Наташа! – Ну и пусть! – Мне ничего не нужно, только этот один поцелуй! Говорила она, со страданием в голосе, и слезинками на глазах, и я обнял её нежно и поцеловал в губы, но она не отпустила меня, впиваясь губами, целовала меня долго-долго, насколько хватило воздуха, и голова моя поехала, закружилась, как в первый раз. Я вдруг понял, что мне очень нравится эта девушка, мне хочется её видеть, слышать, просто быть рядом, но у меня было большое НО, кругом, как ни крути, и Наташа знала об этом и всё понимала. Наташа сама открыла дверь, и потупив взор сказала, – ты прости меня Коля! – И ты прости, – я шагнул за порог. Дома я был, как и в обычные дни, в начале седьмого, и с порога понял, что Антонина только передо мной явилась домой. Мальчишки, наперебой, выговаривали ей, – мама, где ты ходила целый день? – У нас кушать не чего! Сёмка возмутился, – ты же сказала в магазин пошла, а сама ничего не купила! Антонина, в расстёгнутом пальто, виновато оправдываясь, торопливо выложила из авоськи на стол полбулки хлеба бутылку молока и полпалочки чайной колбасы. Все трое повернулись на звук закрывшейся двери, в глазах детей я видел огромное не желание нашей предстоящей ссоры, а в глазах жены отчуждение и страх. И я спокойно произнёс, – что то мать ты стала через чур экономна, боюсь нам не хватит этого на раз, и в нашем доме принято разуваться, помнится ранее, ты всегда нас «пилила» за это, – я кивнул, на её новые сапожки. Я видел, как она негодовала, но не произнесла ни слова, что бы обозначить это, видел новую причёску и другой цвет волос, но не нашёл слов для комплимента, и снова спокойно ей предложил. – Может, наконец, разденешься, и приготовишь ужин, или может, ты сегодня очень устала и доверишь мне это сделать самому? Антонина готова была взорваться в любую секунду, а я видел в глазах детей немую мольбу, и пошёл в ванную мыть руки. Сёмка подошёл ко мне, – пап, а пап пойдём завтра снова на рыбалку? – Сынок, а может мы все вместе с мамой, пойдём в кинотеатр, посмотрим какое-нибудь новое кино? Антонина на кухне гремела посудой, и на вопрос Сёмки раздражённо ответила, – у меня стирки накопилось уйма, не когда мне, идите с отцом!

А жизнь, как ни странно, продолжалась и шла своим чередом, я снова ехал на завод, а думал о пролетевшем выходном. Вчера опять были на рыбалке, мотыля было мало и в добавок он был не свежий, хорошо что я с вечера приготовил мытое тесто и намолот сухарей, ну на авось, ёрш не клевал совсем, и мы напрасно насверлили два десятка лунок, я сидел, глядел на неподвижный сторожок и вспоминал прошедшую ночь. Вечером, когда готовились ко сну, я не мудрствуя лукаво, сам разобрал диван и застелил наше супружеское ложе и лёг под одеяло. Тоня выключила везде свет и легла рядом, ко мне спиной, я как законный муж придвинулся к ней и обнял за талию, она, убирая мою руку, прошептала, у меня критические дни, и отодвинулась. Выходит не всякая ночь супругов мирит, подумал я, и тоже отвернулся. А на рыбалке удача всё-таки улыбнулась нам, видя бесполезность нашего хождения от лунки к лунке, я взял ледоруб и просверлил три лунки поближе к дамбе на глубине, и решил, если клёва не будет, значит не наш день, идём домой. Прикормив лунку сухарями и насадив на мормышку тесто, я стал настраивать глубину, прицепив на леску маленький пробковый поплавок, и едва мор-

мышка коснулась дна, поплавок пошёл вверх. Подсечка, и я уже чувствовал, по натянутой леске, под водой приличный трофей, им оказался чебак весом до 400грамм. Не теряя времени, опустил наживку снова, и опять уверенная поклёвка, со дна. Поймав ещё две рыбины, я позвал сыновей. Андрей и Семён, увидев моих чебаков, в азарте поспешили настраивать свои снасти, Сёмка сразу стал таскать чебаков, одного за другим, а Андрей поймал трёх и клёв у него прекратился. Он взял шнек и на удалении от нас просверлил несколько лунок, но клёва не было, вытаскивая удочку из лунки, его рука дёрнулась от сильного рывка, оказавшись без мормышки, он понял, что это щука. Быстро размотав удильник с блесной, он стал блеснить, и через минуту на льду уже трепыхалась щучка до килограмма. Он продолжал блеснить, ходя от лунки к лунке, и старания его оказались не напрасны, он получил такой удар, что чуть не выронил удильник, с большим трудом, вываживая рыбину, он с радостью обнаружил, что поймал большого судака. Я прикинул на взгляд, весом более трёх килограмм. Я, по прежнему, ловил чебаков, а Семён поймал десять штук и клёв прекратился, но он упорно ждал поклёвки, поплавок чуть-чуть шевелился, и он никак не мог подсечь, думая, что это балуется мелочь. Но при очередной подсечке он понял, что зацепил, что-то тяжёлое, и, боясь оборвать леску, он с трудом, потихоньку подтягивал рыбу к лунке, но увидев рыбину, он понял, что она не пройдёт в лунку, и закричал. Мы с Андреем бросились ему на помощь, подо льдом был лещ, до двух килограмм, мы провозились с ним целый час, аккуратно расширяя лунку пешнёй. К этому времени погода резко испортилась, подул холодный ветер, полетела снежная крупа, нужно было идти домой, но мы все были очень довольны, и торопливо собирали рыбу в рюкзак.

Выходя из автобуса на остановке, я нос к носу столкнулся со Светкой, которая вышла из впереди идущего автобуса. – Привет, Коленька! – Что-то ты от меня бегать стал, как заяц? – Или я уродина, или другая приглянулась?! – О чём ты, Света, я женатый человек, отец семейства, может ты не выпалась? – Такие беспочвенные обвинения на честного и верного супруга другой женщины! – Я буду жаловаться в профком! После этого, мне стало смешно, и я приснул в кулак. – Ладно, ладно, – улыбаясь, говорила Светка, – поймаю с поличным, сама сделаю заявление, кому надо и где надо! А я понял, что с ней надо держать ухо востро, сквозь шутку явно просвечивала угроза, бабы ни когда не прощают подобных обид!

Перед началом смены, мастер собрал всю бригаду в курилке, на пятиминутку. Объявил всем работавшим в субботу благодарность, от начальства за хороший труд, и призвал всех отнестись с ответственностью, и пониманием текущего момента, как бы ненароком, обзав всех выйти в следующую субботу. – Очень приветствуются желающие выйти ещё и в воскресенье, которым в добавок ко всему, ещё и будет оплачена смена наличными, сразу после работы! Некоторые рабочие недовольно зароптали. – Что у нас капитализм возвращается? – Или война началась? – Почему такой произвол? Но основная масса «трудяг» угрюмо молчала, потому как, наученные горьким опытом, понимали, что такое случается не только на нашем заводе, а повсеместно, и план великая сила, не выполнение которого грозит начальствующим управленцам потерей премии и служебного положения. Все разошлись по рабочим местам, и всё потекло по обычному руслу, по плану. Как обычно, не принуждённо, заученными движениями, соединяя не сложные узлы в детали и сваривая их по шаблону, я думал о жизни, о Тоньке и детях, и поймал себя на мысли, всё чаще о Наташе. Скрежет отодвигаемой двери, с тыльной стороны кабины, оборвал мои думы. – Эй, стахановец, айда позобаем, – ни когда не унывающий Толя Няшин, сосед по кабине, приглашал меня покурить за компанию. Я прикурил сигарету, от не успевшей остыть проволоки, и вышел из кабинки. Там в закутке, у цепного конвейера, была самодельная скамейка, на которой мы всегда втихаря курили наскоро, что бы не бегать, теряя время, в курилку, хотя это было строго-настроено запрещено, в целях пожарной безопасности, смешно, как в анекдоте, и так курили все. Петрович смотрел на это сквозь пальцы, но старшему мастеру или начальнику цеха не попадайся, грозил штраф 30% премии. Всё у нас было ещё по старинке, и время на перекуры было не предусмотрено, как на пере-

довых предприятиях, где были введены 10 минутные перерывы через каждый час. В стране начиналась перестройка, которую настойчиво внедрял новый лидер страны советов Михаил Горбачёв. Мы жадно затягивались и выдыхали дым, – ты скажи, Колян, как они на нас «едут», обнаглели в корень, и как не изворачивайся, в субботу придётся выходить, а я имел другие планы! Толян, весельчак и балагур, был душой бригады, и все его, не замысловатые начинания, заражали всех, но редко приводили к чему- ни будь хорошему. – Понимаешь Колян, познакомился я с одной кралей, перед новым годом, у моей бывшей подруги, разведённой, как и я, и присохли мы друг к дружке накрепко, налюбиться не можем! – Встречаться нам запросто нельзя, замужем она, мужик её тоже где то сварщиком работает, полный тухтяй, она об его ноги вытирает, так вот договорились мы с ней встретиться у меня, теперь придётся отложить. – Колян, я ей инженером представился, и она поверила, с машиной я тогда был, волга от отца по наследству досталась, вот в ней то, у нас всё первый раз произошло! Толя слыл бабником, наверное, навёрстывал упущенное, ему не повезло с женой алкоголичкой, с которой развёлся два года назад, разменял двушку, и переехал в комнатуху на общей кухне, дочке исправно платил алименты и на этом воспитание заканчивалось. – А ты, Колян, в воскресенье тоже выйдешь? – Пока не знаю. – Доживём увидим! Мы затоптали окурки и разошлись по кабинкам.

Так незаметно день за днём пролетела неделя, в пятницу в конце смены, мастер снова собрал нас в курилке. – И так, товарищи, вот у меня ведомость, на ваши бесплатные обеды, тут две графы суббота и воскресенье, поставьте, пожалуйста, свои подписи напротив фамилий. – Давайте, пишите по очереди, побыстрее, мне нужно знать, сколько заказывать! Короче, была поставлена точка, для забывчивых, хитро и просто! Я, оказался крайним, и когда бумага с ручкой дошли до меня, прежде чем поставить подпись, я мельком изучил документ. В итоге, из 17 членов бригады, двое не поставили своих подписей, трое, как самые хитрые, записались на воскресенье, а на субботу и воскресенье, кроме меня, записались Фёдор Кузьмич и его сын Серёжка. Последние, упорно горбатились за копейку, так как копили Серёжке на жильё.

Я же ни на что не копил, меня тяготила домашняя атмосфера и отношения с женой. Приехав домой застал всех в сборе, готовились к ужину, Тоня испекла рыбный пирог, и ждали меня, пирог, надо отдать должное хозяйке, удался на славу, и мы его быстро умяли с молоком. – А мы вот завтра с ребятами решили пригласить тебя в кино, Коля, – заискивающе говорила Тоня, я не переставал удивляться перемене её настроений. Длинно вздохнув, ответил, – уважаемые, детки и супруга, вынужден вам отказать, поскольку ни завтра и не послезавтра у меня не будет выходного! Антонина, как будто то ждала этого, и сделав рассерженное лицо, устроила сцену ревности, – как тебе доверять, пропадаешь каждый выходной, неизвестно где и с кем!? Но я видел, что это наиграно. Больше всего были расстроены сыновья, которые по детской простоте, уже уверились, что в семье снова лад и благодать. Я развёл в стороны руки и посмотрел на ребят, – пока ещё я не сделал ни чего плохого, зарабатывая деньги для семьи, – и ушёл в комнату. Пацаны вошли следом, – папка, мы тебе верим и побудем дома одни! А Антонина, уже кричала из прихожей, Андрюша, Сёмка собирайтесь быстро, поедем к бабушке, на все выходные! Они смотрели на меня, а я с жалостью думал, зачем им всё это, и с теплотой в голосе, сказал, – не переживайте, надо ехать сынки! Они уехали, и навалилась пустота, и ничего не хотелось делать, я лёг на диван и уснул, наверное, сразу, потому, что без всяких проволочек, провалился сразу в тот далёкий век!

Глава третья. И вновь я в той дали глухой...

Я, конечно, понял, что я уже там, куда, в общем то, меня всегда тянуло и манило, с непонятной тоской, но я совсем не узнавал местность. Ландшафт был совсем другой, не похожий на тот, который я видел здесь раньше. Я встал из под развесистой берёзы, под которой проснулся, и осмотрелся основательно, ни малейших признаков, знакомых с прошлого посещения! Уже полностью рассвело, я вышел на пологий пригорок, и увидел в низу реку, над которой клубился редкий туман, под берегом было, что-то вроде пристани, с десятком судов, не знаю, как их здесь зовут, ладьи или струги, но похожи очень. Другой берег был высокий с покатым склоном, и на берегу, вдоль реки раскинулось большое село, в четыре улицы и семь переулков, идти мне до него было с версту. Тайги не было вокруг, куда ни кинь взгляд, только засеянные поля, да редкие рощи, да перелески, а здесь на пригорке, и вдоль опушки рощи, наверное, было пастбище, или покосные угодья. Я оказался на просёлке, который, петляя между полями, привёл меня к реке, дорога упиралась в маленький причал, я понял, что здесь паромная переправа. Стоя на причале, я прикинул, до другого берега сто сажений, а вода пугала тёмной глубиной, переправляться вплавь, как то сразу расхотелось. От деревни к реке шёл мужик с вёслами на плече, наверное, паромщик, подумал я, когда он отвязал лодку, и, вставив вёсла в ключины, погрёб в мою сторону. Причалив лодку к причалу, сказал важно, – здрав будь, путник, – утро доброе, паромщик, – ну садись, что ли, – поплывём, чего зря лясы точить! Я сел в лодку и спросил, – а как мне, мил человек, до Ерофеевой Заимки добраться? Паромщик, а это был рослый плечистый парень, с длинными волосами и аккуратными усиками и бородкой, удивлённо оглянулся и молвил, так вот же она на берегу, и взволнованно, перестав грести, уставился на меня, – дядька Микола?! Нас сносило течением, я вглядывался в его лицо и узнавал знакомые черты, поразительно, – Митрий? – Как жив-здоров, тятка твой Ерофей и мамка Груня? – Мамка Груня, вон нас сейчас в окно видит, а тятка, царствие ему небесное, погиб геройски в битве с татарами 16 лет назад, – огорошил меня Митька! Я сидел, разинув, рот. – Ой, снесло то нас куда, сейчас на течение грести надо. – А ты то как, дядя Микола? – Мы ить тогда, тебя опять похоронили! – Как ты упал тогда, мужик этот с дубиной за мной полверсты бежал и догнал почти, да у меня ещё один пистоль был припрятан, и всадил я ему пулю прямо в рот. Митька, теперь уже Митрий, отец семейства, грёб против течения и говорил, говорил. – Купец тот слово держал, дядька Микола, он к тётке Устинье часто навещался, привозил муку и зерно, и мы там тоже часто бывали, привозили соль и рыбу, так, что до осени запаслись мукой и зерном, и клин озимых добрый засеяли. – А купец этот на другое лето женился на Устинье, вдовый он был, и увёз её с ребятишками к себе в Травное. Но она через два года зимой простыла сильно, слегла и померла, а купец запил с горя и дело его прахом пошло! – Маманя наша, послала нас с Кешкой съездить за Юлькой и Петькой, мы привезли, и стали они нам братом и сестрой.

– А сейчас Юлия, жена мне венчанная, и растёт у нас сынок Ерошка. На месте Заимки нашей к осени уже деревня выстроилась, молва пошла, прознали люди о хорошем месте и липли на него, как мухи на мёд! – Дня не проходило, что бы кто то не пришёл, не приехал! Тайгу окрест на десять вёрст вырубил и пожгли, надо было избы рубить и где то хлеб сеять. Да ты и сам всё видишь! – Митрий, как брат твой Иннокентий и сёстры? – Сёстры замуж повыходили, Настёна уже овдовела, вернулась к нам с ребятишками, а Катьку муж-казак увёз к себе в станицу Ивкину, а Кешка наш казакует, где то на границе. Ну да наговоримся ещё, вот мостки наши, приплыли! Поднимаясь в гору в село, я искал знакомый дом и не находил, всё вокруг изменилось очень, частоколов и след простыл, дворы огорожены либо заплотом или тёсом. – Вот и пришли, – молвил Митрий, – не узнал что ли место то, вот он дом наш! За тесовой оградой стоял большой дом, похожий на терем, – перестроили мы заимку то, мала

стала! – Ну заходи, все тебе рады будут, – сказал Митрий, открывая калитку. Войдя во двор, я увидел, что на крыльце стояла Груня, пристально глядя на меня, она мало изменилась, на лице появилось несколько морщинок, да в волосах проблёскивала седина, – здравствуй Груня! – Ой, господи, Микола! Живой! Вот радость то! И бросилась с крыльца обнимать меня. – Что с тобой случилось то? – Где же был ты столько лет? – Очнулся я тогда в кутузке, конный дозор меня подобрал, пачпорта при мне не было, на дознании допрос с пристрастием учинили, – сочинял я на ходу, – ну, не поверили мне, в общем, и в железах угнали на дальний острог. – Батюшки, досталось тебе, ну проходи в дом, мы зараз завтракать собрались! Я вошёл в дом, и как было принято здесь, перекрестился на божничку, сказал, – здравствуйте все, хлеб да соль! В просторной комнате, за общим столом, сидели все домочадцы, я узнал Настёну и Юлию они стали красивыми молодыми женщинами и с удивлением смотрели на меня. В торце стола, сидел рослый широкоплечий юноша-Ерофей, и глядел на меня с любопытством. Ещё сидели два пацана и девчушка, которых я знать, конечно, не мог. И только сейчас до меня дошло, что этот юноша сын Ерофея и Устины, Петро. А между тем Настёна и Юлия, как бы опомнившись, в голос вскрикнули, – дядя Микола?!

После завтрака Митрий распорядился, – ты, дядя Микола, отдыхай с дороги, мы с братом пойдём рожь косить, а Настя с Юлей снопы вязать! Я, чтобы не ронять его авторитет, в кругу семьи, подчинился. Сын Настёны, десятилетний Арсений, когда был занят Митрий, безропотно и с большой охотой исполнял обязанности паромщика, он запросто гонял паром с подводами или лодку на вёслах с пешими пассажирами. Вот и сейчас, он спешил к реке, увидев на причале подводу. Восемилетняя Алёна помогала бабушке Груне мыть посуду, четырёхлетний Ерошка играл в своё удовольствие, лишь один я безработный сидел на лавке и тоскливо смотрел в окно, как всё здесь изменилось, мои мысли были там, на прежней Ерофеевой заимке. Голос Груни вернул меня к действительности. – Так мы зараз и живём Микола, всего у нас в достатке и сыты и обуты-одеты и почёт и уважение, а всё мне не в радость без Ерофея, вот только внучата горевать не дают! И будь то в подтверждение её слов, Ерошка подбежал к ней, и дёргая за подол, пролепетал, – бауска, послы на ыбалку! – Ты видишь, родненький, с делами я не поправилась, поиграй пока! – Ты и рыбу ловить умеешь, казак? – Умею, – смело сказал мальчуган! – Да, из миски ложкой, – улыбаясь, молвила Груня, потрепав его по волосам. – Так готовь снасти и пойдём, подзадорил я, – и радостный Ерошка ушлёпал во двор. А Груня, занимаясь своими делами, рассказывала. – Помнишь наш первый паром, мы всегда перевозом занимались, и после гибели Ерофея, когда село выросло, староста учредил должность паромщика, назначив на неё Митрия с жалованием 10 целковых в год, огромные деньги. – И налогов мы не платим, потому, как именная бумага у нас от губернского атамана с печатью, в коей сказано, что с семьи героя никаких налогов и податей не брать и быть им вольными веки-вечные! И Кешу нашего этот атаман тоже обласкал! Кешка неслух, тогда за Ерофеем тайком в поход увязался и отличился там. Так вот, через два года после похода, забрал атаман Кешку на обучение в казацкую школу, где он усердно учился шесть лет, и вышел подхорунжим, начальник теперь наш Кешка, – с гордостью говорила Груня! – Да вот видимся редко, – и прослезилась. – Всё на границе на границе, в баталиях он бывал, два раза ранетый, второй раз крепко, на излечении лежал в лазарете. В Оренбургской крепости, и после на побывку приезжал, два месяца гостил. Три года минуло уж! Весной ноне с проезжим гонцом восточку прислал, летом в гости сулится, а когда не ведаем. Ой, а про Ерошку я забыла, давно не слышать, уж, не пакостит, ли что?! Я выглянул в окно, и увидел как Ероха, только что сорванной травой кормил через прясло соседскую козу, и для него сейчас не было более важного занятия, он смотрел на козу и улыбался до ушей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.